

DOI 10.25688/2076-913X.2020.40.4.15

**Поэтическая энтомология:
обзор материалов коллективной монографии
«Мир насекомых в пространстве
литературы, культуры и языка»
(М.: Книгодел; МГПУ, 2020. 400 с.)**

В серии «Природный мир в пространстве культуры» вышла вторая коллективная монография¹ — «Мир насекомых в пространстве литературы, культуры и языка», в которой поэтическая энтомология рассматривается в зеркале словесного искусства и языка как удивительный «маскарад природы». Книга включает в себя одиннадцать глав, в которых с достаточной полнотой раскрываются восприятие и осмысление мира насекомых в разных научных аспектах: литературоведческом и лингвистическом, в фольклорном и мифологическом, в искусствоведческом и историческом.

В *первой главе* «Образный мир насекомых в теоретическом дискурсе» на примере образов жуков и пчел выявляется функция этносемизмов в полемике классицистов (Г.И. Романова). В нормативных поэтиках утверждались не только правила литературного творчества, но и своеобразные представления о поэте и поэтическом творчестве. Именно вопросы о том, каким должен быть истинный поэт, обсуждались наиболее пристрастно и эмоционально. Намерение осудить самонадеянного автора выражалось в выборе жанра (притча, басня, послание, сатира) и характерной композиции, в аллегоричности и ироничности стиля, в использовании символов и эмблем, специфических словесных образов с употреблением этносемизмов (номинаций насекомых).

Следующий теоретический «сюжет» главы связан с выбором методологической модели исследования поэтической энтомологии (С. Б. Калашников). Автор предлагает в качестве альтернативы четырем традиционным подходам, охарактеризованным в главе, методологию социолога, антрополога и культуролога Жильбера Дюрана, получившую название *социологии глубин* (или *социологии воображения*), которая может быть успешно применена к изучению таких масштабных образных систем, как поэтическая энтомология.

¹ Первая монография этой серии — «Птица как образ, символ, концепт в литературе, культуре и языке» (М.: Книгодел; МГПУ, 2019. 504 с.). В настоящее время готовится к печати третья монография — «Семантика времен года в русской словесности и искусстве».

В последующих главах монографии, со второй по восьмую, выявляется эволюция художественного осмысления энтомологических образов в историко-литературном процессе начиная с XVIII в. и по настоящее время.

Во *второй главе* анализируются *образы насекомых в баснях XVIII–XIX вв.* В частности, рассматривается эволюция образа пчелы в баснях поэтов XVIII – начала XIX в., символически отражающая динамику историко-культурной действительности, общественно-политические и нравственно-эстетические проблемы: о мудро устроенном государстве, о просвещении и невежестве, трудолюбии и праздности, о настоящей науке и лжеучености, о поэтическом вдохновении и прозаичной реальности, об истинном назначении поэта и поэзии (С. Н. Травников, Е. Г. Июльская, Е. К. Петривня). На материале русских басен XVIII – первой половины XIX в. в главе анализируются образы «вредных насекомых» (Д. А. Супрунова): паука², мухи, комара, клопа, блохи — определяется их аллегорическое значение и функционирование в составе басенной системы образов. Наряду с русскими баснями в главе исследуются образы пчелы и мухи в восточнославянских баснях XVIII–XIX вв. (С. Н. Травников, Е. Г. Июльская, Е. К. Петривня). Авторы рассматривают истоки антитетичной символики образов Пчелы и Мухи, представленные в античной (Федр) и французской (Лафонтен) баснях, и их художественную интерпретацию в восточнославянской басенной поэзии XVIII–XIX вв.

Третья глава посвящена *пушкинской поэтической энтомологии*, которая раскрывается как на материале всего творчества А. С. Пушкина (С. А. Джанумов), так и романа в стихах «Евгений Онегин» (А. Н. Андреев). Мир насекомых в творчестве поэта отличается разнообразием, художественная функция насекомых различна, хотя, как правило, связана с разными ситуациями, картинками и временами года (чаще всего с весной). Образы насекомых раскрываются в творчестве Пушкина как в прямом, так и в переносном — ироническом, символическом или метафорическом — значении. Переносное, эмоционально-оценочное значение образов насекомых всегда ярче, красочнее, живучее прямого, так как позволяет существенно разнообразить поэтическую палитру, расширить художественный спектр и диапазон в произведениях писателя.

Фауна (в частности, насекомые) в романе в стихах энциклопедически разнообразна, но она не разрушает, а, напротив, структурирует художественно-философский дискурс «Евгения Онегина». Кажущееся пестрое многообразие на самом деле вносит порядок, ибо подчинено порядку — как и все остальное

² В современной биологии различают класс *паукообразных* (в него входят пауки, клещи, скорпионы и другие отряды) и класс *насекомых*. Вместе они относятся к типу *членистоногих* животных — самой многочисленной группе живых организмов на Земле. Однако вплоть до середины XIX в. в научно-популярных и художественных изданиях (а в народном сознании и языковой картине мира русских — и позже, вплоть до наших дней) пауков причисляли к насекомым, поэтому в монографии мы остановились и на образе паука.

в пушкинском произведении. Незримая связь фауны (в том числе насекомых) с жизнью духа составляет главный поэтический секрет романа в стихах.

В *четвертой главе* исследуется *энтомология в жизни и творчестве В. В. Набокова* на материале автобиографической прозы (Н. С. Степанова) и его стихотворения «On Discovering a Butterfly» (К. А. Ефетов). Анализ автобиографической прозы писателя позволил определить место и значение лепидоптерологических мотивов в текстах писателя, образно-метафорические, аллегорические, символические коннотации образа бабочки, возникающие на пересечении непосредственных научных наблюдений над бабочками и мифопоэтических традиций русской и мировой литературы. В главе впервые предложен новый перевод на русский язык набоковского стихотворения «On Discovering a Butterfly» с сохранением смысла, заложенного автором, и конкретных ключевых деталей оригинала.

В *пятой главе образы насекомых в русской поэзии* анализируются с разных точек зрения: от установления типологических связей между текстами на основе изучения обширного материала до локального филологического анализа образа кузнечика в границах одного произведения. Изучение образов насекомых в женской поэзии XIX – начала XX в. (О. В. Гаврилина) позволило выявить такую закономерность, как ослабленная частотность функционирования энтомологических образов, в то же время упоминание насекомых становится метафорой для *самоописания* женщины или воссоздания внешних событий. Чаще остальных образов в женской поэзии встречаются образы мотылька и пчелы, гораздо реже — слепень, бабочка, сверчок.

Анализ внутренней формы образа кузнечика и авторского стиля Велимира Хлебникова (С. А. Васильев) свидетельствует о том, что образ кузнечика несет на себе печать литературной традиции (темы творчества, вдохновения), культурного стиля эпохи (мистериальный план) и авторской индивидуальности («мерцание» смыслов, омонимия, многоплановая внутренняя форма, поэтические этимологии, повторы звуковых комплексов, многогранная символика и т. д.). Далее, в продолжение темы кузнечика («Что выражает маленький кузнечик?»), читателю предлагается обратиться к миру насекомых в творчестве Николая Олейникова (Э. Тышковска-Каспшак) — поэта, близкого к группе ОБЭРИУ. В главе представлен анализ мотива инсектов в текстах поэта. Олейникова привлекают гротескные персонифицированные образы насекомых, которые, будучи на грани сущего и Ничто (М. Хейдеггер), приводят к мысли о ничтожности человеческого бытия. В стихотворениях поэта человек не стоит в центре мира, а занимает положение наравне с инсектами: он жалок, затерян в мелочах, страстях и ужасающих мыслях об абсурде существования.

Особенности функционирования мотивного комплекса «насекомое» — «огонь» рассматриваются в главе на материале ранних стихотворений Б. Л. Пастернака и стихов из тетради Юрия Живаго (О. Ю. Казмирчук). В лирике поэта сочетание мотивов «насекомое» — «огонь», как это следует из анализа пастернаковских текстов, часто используется для реализации идеи

разграничения двух начал: мира внешнего (природного) и мира, обжитого человеком.

Поэтическая энтомология раскрывается в главе и на примере творчества современных авторов, как представителей традиционной, в частности вологодской школы в русской поэзии в лице Марии Марковой (О. Ф. Ладохина), так и поэта-неоавангардиста Виктора Сосноры (К. М. Балашов-Ескин). Если в стихотворениях Марковой главную роль играет энтомологическая метафора и оригинальные способы ее реализации в поэтическом тексте, то Соснора характеризуется как создатель сложного, уникального поэтического языка. Анализ образов насекомых позволил раскрыть словесно-звуковую образность, характер метафоры и в целом особенности индивидуального стиля поэта.

В *шестой главе* исследуются *энтомологическая семантика и философский смысл* произведений русской художественной прозы — классической и современной. В частности, рассматривается вопрос о связи детской игры в «муравейное братство», которая описана в «Воспоминаниях» Л. Н. Толстого, с мифологическими моделями. Анализируются также мотивы «муравейного братства» в творчестве Л. Н. Толстого (Е. Ю. Полтавец); выявляется концептуальное значение понятия «насекомое» в творчестве Ф. М. Достоевского, которое соотносится у писателя с природными инстинктами человека без одухотворяющего Божественного начала, а преодоление «насекомого» сравнимо с чеховским преодолением в себе раба (Т. С. Карпачева).

Анализ образов «маленьких взволнованных существ» в прозе А. П. Платонова позволяет выявить онтологические и гносеологические контексты в произведениях писателя 1930-х гг. (И. И. Матвеева), установить связь этих образов с мифологическими представлениями славян, философскими идеями Н. Федорова (победа над смертью, воскрешение отцов), сопоставить жизненные стратегии платоновских персонажей с поведением насекомых.

В главе рассматриваются энтомологические образы в творчестве современных прозаиков А. Кима и В. Пелевина. Выделенные аспекты исследования — «Как “трава превращается в насекомое...”: натурфилософская энтомология А. А. Кима» (А. И. Смирнова) и «Энтомологический маскарад в прозе В. Пелевина: от образа к философии превращений» (В. С. Симкина) — позволили проследить формирование натурфилософской концепции Кима в произведениях 1980-х гг. («Лотос», «Белка», «Отец-Лес») и ее связь с образами насекомых (гусеница, пчела, бабочка и др.); а также рассмотреть в прозе В. Пелевина палитру индивидуальных мифосистем и раскрыть полифонизм философской рефлексии автора над предельными вопросами человеческого бытия, выявить и проанализировать виды трансформаций в текстах писателя (естественные метаморфозы, преобразования сознания, духовные преображения, трансцендентальные модуляции, общественные перевороты, игровые превращения).

В *седьмой главе* ракурс анализа образов насекомых определяется как *смыслы и границы интерпретации*. Акцент на этой проблематике обусловлен стремлением начинающих исследователей продемонстрировать различные подходы в осмыслении энтомологической образности в пределах одного произведения. В центре внимания оказывается жанровая специфика поэмы-шутки Я. Полонского «Кузнечик-музыкант» и ее связь с фольклором (Е. А. Песелис), психоаналитическая интерпретация темы смерти в миниатюре И. С. Тургенева «Насекомое» (Е. Е. Круглова), символическое и мотивное значение образа насекомого (таракана) в романе Б. Ш. Окуджавы «Бедный Авросимов» в контексте литературной и фольклорной традиции (Н. Н. Орлова).

Анализ поэмы-шутки Я. Полонского «Кузнечик-музыкант» помог раскрыть оригинальность взгляда поэта-философа, поэта-художника Полонского на объективную действительность середины XIX в., выявить основные моменты обращения автора к образам и символам фольклора. Не менее оригинален и взгляд Тургенева на смерть в миниатюре «Насекомое», в которой психологические предпосылки смерти соотносятся с такими явлениями, как сон, страх. В тургеневском произведении представлен процесс преодоления страха смерти, а не принятие ее неизбежности. Наконец, анализ образа прусака (рыжего таракана) в романе Б. Окуджавы «Бедный Авросимов» позволил прийти к выводу о его важной роли в тексте, связанной с участием в изображаемых событиях.

В *восьмой главе* на примере образов саранчи, кузнечика и бабочки реализуется еще одно направление исследований энтомологической тематики в художественных текстах: *насекомое как этнокультурный образ, символ, метафора в национальной картине мира*. Энтомологический «реестр» монографии пополняется новым персонажем — саранчой (Э.Ф. Шафранская). Обитающая в Средней Азии, саранча входит в литературный ряд ассоциаций о месте, сложившихся в эпоху завоевания Туркестанского края Российской империей, — этот факт рассматривается на материале прозы Николая Каразина (XIX в.). Далее, став паттерном туркестанского текста русской культуры, уже в современной литературе образ саранчи развивается как метафорический и мифопоэтический. Эта метаморфоза саранчи анализируется на материале прозы Сухбата Афлатуни (XXI в.).

В главе сопоставляются образы кузнечиков татарского поэта Сулеймана («Куз-не-чик-стан») и известного российского чувашского поэта Геннадия Айги («Третий кузнечик (К “Кузнечикам” В. Хлебникова и Э. Каммингса)»), устанавливается связь стихотворения Сулеймана с другими поэтическими «Кузнечиками» — В. Хлебникова и Э. Каммингса (А. Ф. Галимуллина).

Далее в монографии рассматриваются факторы, влияющие на условия символизации объекта живой природы (бабочки) в разных культурах. Отмечается, что аксиологическая составляющая в смысловой структуре символа может изменяться на оценочной оси в рамках диапазона между двумя

абсолютными оценочными предикатами «хорошо» – «плохо». Такая неоднозначность актуализационного потенциала определяется осмыслением символизируемого объекта в культурном пространстве разных этносов (О. В. Трунова, А. Ю. Волкова).

Анализ метафоры бабочки в романе английского писателя, романиста и эссеиста Джона Фаулза «Коллекционер» (И. А. Синицына) позволил выявить переосмысление роли насекомого как объекта неживой природы и мира вещей в эпоху постмодернизма.

В *девятой главе* представлены лингвистические исследования — названия насекомых анализируются как важная часть языковой картины мира в диахронии и синхронии. Произведен подробный анализ внутренней формы слова *букашка*, ее связи с букой (в основе — оноματοпоэтическая номинация) и ее сложившегося в языке образа (Л. Л. Федорова). Показаны некоторые возможные мотивации и параллели в номинации насекомых в разных языках. Прослеживается развитие коннотаций: от устрашающих в буке к уничижительным в *букашке* (в том числе в переносном значении — о жалком, незаметном человеке) и далее — к иронично-шутливым оттенкам в номинациях неодушевленных объектов. Описаны лексемы тематической группы «Насекомые», обнаруживаемые в русских азбуках и букварях начиная с XVII в., букваря Кариона Истомина, и вплоть до XXI в. (Е. Н. Борюшкина). Интересно, что наиболее частотным в XIX в. было слово «пчела», в XX в. «языковым эталоном» насекомого стали слова «жук» и «оса», в XXI в. — «жук». Далее в главе рассмотрены разнообразные символические значения слова *пчела*, обнаруженные при этимологическом и сравнительно-историческом анализе (А. В. Алексеев). Показано, что важнейшие изменения культурной коннотации слова происходили с принятием христианства, когда древнейшие признаки были введены в новый религиозный контекст: атрибут женского божества плодородия был преобразован в атрибут Богородицы, коннотация эзотерической мудрости переформирована в коннотацию мудрости соборной.

В главе также проанализированы диалектные названия сверчка, бытующие в русских говорах: *сверч*, *трескун*, *цвиркун*, *чиркун*, *коник*, *скачок*, *запешник* и др. (Н. А. Красовская). Они отражают представления об указанном насекомом, традиционно существующие у русского народа. Названия чаще всего связаны с основными свойствами насекомого, его внешним видом, местом обитания, однако самое большое количество диалектных названий сверчка связано с его способностью издавать различные звуки.

Исследуется содержание концептуального поля «насекомые» в современном русском языковом сознании (М. В. Захарова). В процессе проведенного лингвистического эксперимента рассмотрены состав и восприятие поля носителями русского языка. Выявлены положительные и отрицательные коннотации, обнаруживаемые у разных элементов данного поля. Далее рассматриваются примеры использования зоонимов (номинаций насекомых)

в спортивном дискурсе — русскоязычном и отчасти англоязычном (Н. А. Медведева). Определяется соотношение языковой картины мира, культуры, языкового познания через призму психологических особенностей говорящего.

Десятая глава книги, посвященная проблемам *энтомологических образов в мифологии и фольклоре*, дополняет и обогащает общее представление о восприятии мира насекомых в культуре. Главу открывает подробный анализ *пчелы* как символа, логоса и архетипа (С. В. Герасимова). Анализ ее натурфилософских и мистических интерпретаций приводит к утверждению: еще в античности пчела становится символом любви, соединяющим медовую сладость и смертные муки, испытанные, например, Дидоной. Христианская культура наполняет этот символ новым смыслом: рождается идеальная модель поведения, которой следуют страстотерпцы, принося себя в жертву, страдая и умирая ради сладкой любви к ближним. Представлен «каталог» символических осмыслений пчелы в «Добротолубии».

Рассматриваются представления о насекомых в русской устной сказочной прозе и сказках (В. Е. Добровольская). Их отличает двойственная семантика, даже одно и то же насекомое может обладать двойственной характеристикой не только в разных локальных фольклорных традициях, но и в пределах одной. Только в волшебных сказках насекомые обладают исключительно положительной характеристикой. Они всегда выступают помощниками героя: помогают ему найти нужное, проникнуть в недоступное место или выполнить другую трудную задачу; герой сказки и сам может обращаться насекомым. Далее в главе проанализированы представления о насекомых в русском фольклорном сознании, исследованы особенности функционирования номинаций насекомых в малых жанрах русского фольклора на материале паремий и загадки (С. В. Коростова). Выявляются наиболее частотные наименования насекомых (*пчела, комар, муха, сверчок, блоха* и др.), а также прагматика их функционирования в фольклорных текстах. Метаморфозы, происходящие с насекомыми в художественном пространстве загадки, неожиданные уподобления их другим животным, человеку, неодушевленным предметам исследованы в главе далее на русском и иноэтническом материале (И. Н. Райкова). Они отражают народный взгляд на этот удивительный мир насекомых — такой близкий к человеку и в то же время неведомый и неподвластный человеку, живущий по своим законам.

В главе также идет речь о том, как человечество использовало насекомых в качестве энтомологического оружия (А. Ф. Лицарева). Предпринимается экскурс в историю, посредством анализа современных устных рассказов (в частности, фольклора поисковиков, копателей) акцентируется внимание на биологическом оружии в XX в., прежде всего в годы Второй мировой войны. Сделан вывод о том, что популярные сюжеты фантастических фильмов, когда инфицированные насекомые используются как оружие, к сожалению, отражают современную реальность.

В заключительных материалах главы представлены исследования, связывающие фольклорно-мифологическую традицию с литературой. Рассматривается место энтомологических образов в мифопоэтической картине мира писателя младоэмиграции Леонида Зурова (А. В. Громова). Насекомые, наряду с другими представителями природного мира, являются для писателя элементом целостного природного космоса, частью которого ощущает себя и человек. В некоторых случаях сопоставление с насекомыми служит для характеристики героев произведений. Далее речь идет о творчестве Ефима Честнякова — самобытного представителя Серебряного века, художника и писателя, подвижника просветительства в деревне, учителя (Е. А. Самоделова). Показано, как он применял диалектные названия насекомых в своих сочинениях, включал насекомых в изображаемый пейзаж, воссоздавая полноту и красоту природного ландшафта, вообще сельской жизни.

В завершающей книгу *одинадцатой главе* образ насекомого раскрывается как *знак в искусстве и культуре*. Речь идет о различиях в осмыслении муравья в мифологии, фольклоре, литературе и изобразительном искусстве разных народов (Е. В. Савельева). Разброс в его оценочных характеристиках огромен — он скромный трудяга и жестокий убийца, посланник богов и коварный сообщник демонических сил. Раскрываются причины порой диаметрально противоположного восприятия этого насекомого представителями разных культур.

Далее следует описание современного герба Симферополя, который украшает летящая золотая *пчела* (Т. Ю. Новикова, И. Г. Балашова). В мировой геральдике пчела является многоплановым символом и встречается достаточно часто. На гербе Симферополя пчела символизирует историю города и его название, смысл которого происходит от «симфо» — собираю и «полис» — город (город-собираатель, город пользы).

Таким образом, мир насекомых в текстах культуры многообразен и неисчерпаем, мифологически и эстетически насыщен и функционально значим. И необходима особая оптика, чтобы разглядеть маленьких существ, населяющих наш мир, осмыслить их нравы и инстинкты, а также художественно запечатлеть притягательный и неведомый энтомологический маскарад природы.

А. И. Смирнова,
И. Н. Райкова